

**Эдуард
Лимонов**

девочка
с жёлтой
мухой

Эдуард Лимонов
Девочка с жёлтой мухой

«Ад Маргинем Пресс»

2016

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)6-5я44

Лимонов Э. В.

Девочка с жёлтой мухой / Э. В. Лимонов — «Ад Маргинем Пресс», 2016

ISBN 978-5-91103-300-2

«Девочка с жёлтой мухой» — ещё более чудаковатый сборник стихотворений, чем все предыдущие, начиная с названия. — Почему чудаковатый? Я одинокий человек, несмотря на мою публичную политическую деятельность. Я, вероятно, самый одинокий человек в России. Когда ты одинок, ты непременно дичаешь и в результате говоришь и делаешь странные, эксцентричные вещи. Такими они предстают для не одичавших, уравновешенных жителей общества. — Как я пишу стихи? Я погружаю мою «удочку» как можно глубже, в самый глубокий слой, и выдёргиваю фразу или две. А дальше, вокруг этой добычи из глубоких слоёв, наворачиваю разъяснения. — Что есть «удочка»? Это струя моего обострённого внимания, как «мышка» у компьютера, проникающая в глубокие мутные массы, где ещё нет слов, там в основном такой бульон лежит, тёмное озеро, но кое-какие словесные сгустки уже появились, плавают загадочные. Вот оттуда выуживаю. Слоёв же по меньшей мере три, и самый глубокий — самый серьёзный. Там одни тайны и загадки. Оттуда вытаскивали Хлебников и Николай Гумилёв. Э. Л.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)6-5я44

ISBN 978-5-91103-300-2

© Лимонов Э. В., 2016

© Ад Маргинем Пресс, 2016

Содержание

Пояснения	7
Косякин	8
Долматов	9
«Уж неуклонно пожелтели...»	10
«Жизнь может кончиться всегда...»	11
Вспоминая знакомство с Фифи	12
1970-й	13
«Светило движется. Большой слепящий диск...»	14
«Таких мужчин, как я...»	15
На Даниловском кладбище	16
«Вы, дети хорошие, любите маму...»	17
«Молчали русские цари...»	18
«Небо всё в рыбёшках...»	19
Сюзанна и старцы	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Эдуард Лимонов
Девочка с жёлтой мухой

© Эдуард Лимонов, 2016

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2016

Книга издана в авторской редакции

Пояснения

«Девочка с жёлтой мухой» – ещё более чудаковатый сборник стихотворений, чем все предыдущие, начиная с названия.

– Почему чудаковатый?

Я одинокий человек, несмотря на мою публичную политическую деятельность. Я, вероятно, самый одинокий человек в России. Когда ты одинок, ты непременно дичаешь и в результате говоришь и делаешь странные, эксцентричные вещи.

Таковыми они предстают для не одичавших, уравновешенных жителей общества.

– Как я пишу стихи?

Я погружаю мою «удочку» как можно глубже, в самый глубокий слой, и выдёргиваю фразу или две.

А дальше, вокруг этой добычи из глубоких слоёв, наворачиваю разъяснения.

– Что есть «удочка»?

Это струя моего обострённого внимания, как «мышка» у компьютера, проникающая в глубокие мутные массы, где ещё нет слов, там в основном такой бульон лежит, тёмное озеро, но кое-какие словесные сгустки уже появились, плавают загадочные.

Вот оттуда выуживаю.

Слоёв же по меньшей мере три, и самый глубокий – самый серьёзный. Там одни тайны и загадки.

Оттуда вытаскивали Хлебников и Николай Гумилёв.

Э. Л.

Косякин

I

Затем навсегда замолчал его телефон.
Из разных больниц уже не названивал он,
И можно было предположить,
Что перестал он далее жить.

Прохладные утра, какие выпадают,
Его не застают, за ним не наблюдают.
Он не приходит на площадь, где проводят митинг,
Он находится там, где гунн и викинг...

II

Тебе, коммунисту, шахтёру, боксёру,
Воздвигнуть курган бы иль сильную гору!
Ты был, ты кипел, тебя помнит народ,
Неправда, что умер ты в тот злобный год!

И мы в тёмном зале старинной больницы,
Кривили в печали мы бледные лица...
Таких церемоний, и речи, и флаги
Не знали мы ранее, мы, бедолаги.

Ушёл сильный краб, наш разгневанный брат
Устроил там в зале прощальный парад.
Лежал изболевший, однако, однако
Как красный святой, Первой Конной рубака...

Долматов

Долматов в старом Королёве,
Растрескавшемся, как копыта на корове,
Жил, пламенел, и горевал,
И галстук свой оберегал.

И то был галстук пионерский,
Не офисный, не галстук клеркский.
Он бережно хранил, чтоб красный
Путь через жизнь бы делал ясный.

Эх, Саша! Но тебя убили!
И в Роттердаме, что далёк,
Потух ты, красный уголёк,
В тюрьме за шею прицепили...

Их много, пасмурных и гневных,
Прошло сквозь партию мою,
И вот сейчас тебя пою
С престола лет моих столь древних...

Я многих наших пережил,
Такая мне судьба досталась.
Гляжу, за горизонт умчалась
Процессия моих могил...

Долматов! Боже мой, Долматов!
Конструктор боевых ракет,
Сказал он чужеземцам «нет»!
Погиб в руках у супостатов,
Но тайны твёрдые страны
Остались строги и страшны...

Нет, не коснулись их руками
Голландцы с янки за плечами.
Пусть мой косноязычный слог
Да воспойт тебя, сыног...

«Уж неуклонно пожелтели...»

Уж неуклонно пожелтели
Твои военные поля.
О, Украина, в самом деле,
Чего ты хочешь, русских зля!

Мы всё равно тебя погубим,
Поскольку руку подняла
На всё, за что дрожим, что любим,
Бандеру старого взяла,

Себе на стяги поместила.
Что ж, шелудивая, пеняй,
Поймёшь, что нет, не надо было,
Но будет поздно, так и знай!

«Жизнь может кончиться всегда...»

Жизнь может кончиться всегда,
Пройдут ночные поезда,
И углем загрязнится ночь,
И никому нельзя помочь,
Вверху зелёная звезда,
Ты воду в ступе не толочь...

Большой ж/д дорожный мост,
Над ним луна во весь свой рост,
«Меня сейчас убьют!
Вот этим трассером с утра.
И кислым писком мошकारа
Отдаст меня под суд...»

Торчат кошачие хвосты
Угольной черноты
У залитых луной домов,
Вид страшен и суров...
И в них увидеть ты готов
Медведей или львов...

Вспоминая знакомство с Фифи

Старый, умный и развратный,
Я сидел там аккуратный,
Разделённый на пробор,
И звенел в руках прибор,

О прекрасную посуду,
Кузнецовские тарелки,
Я любил Вас, гадом буду!
С этой Вашей, хвостик белки...

Старый, умный (чёрный член?),
Настоящий Супермен:

В нос шибал одеколон,
В женский носик («Это он?!
Тот, кого ждала ночами,
Влажно чмокала губами.
Вот бродяга, злой какой!
Неужели это мой?..»)

Посмотрел на Ваши ушки,
На олени глаза,
И решил, что быть подружке,
Этой девке скажем «да»...

1970-й

Анне

Дожди идут, и денег нет,
Живём у парка. Осень,
Но микояновских котлет
Ни у кого не просим...

Тогда ты стала вдруг болеть.
Там яблоня в окне была...
Ты порывалась умереть
И много ты спала...

Я полагаю, сорок пять
Прошло красивых лет,
Предполагаю, что кровать
Была причиной бед...

Не нужно было столько спать.
Чудовища из снов
Проникли в комнаты, чтоб стать
Ублюдками углов...

Нам это слесарь Пестряков,
Мерзавец, удружил.
Нам сдал жилплощадь, и каков!
Твою судьбу решил...

А бабка Софья... чей скелет
По комнатам бродил.
Прошли эти сорок пять лет...
Как будто и не жил.

Ни бабки Софьи, ни жены,
Безумной Рубинштейн.
Их съели кладбища страны.
Пил Пестряков портвейн...

О Лорелея, Рейн...

«Светило движется. Большой слепящий диск...»

Светило движется. Большой слепящий диск
Пересекает заросли растений.
И Фараону жжёт его колени,
А он лежит, ласкает одалиск...

Светило – огонь! Светило – печь в лучах!
Тут не помогут паланкин и зонтик!
Но тучи вон сошлись на горизонте,
Как мухи у убитых на очах.

И грянул гром! Взлетели пеликаны,
Фламинго взмыли, перья потеряв.
И сфинксов золотые истуканы
Дождя хотели, головы задрав...

А за рекой, ливийская пустыня
Вся красной глиной трескалась в жаре.
Изида – беспощадная богиня —
Спускалась к Фараону по горе.

«Таких мужчин, как я...»

Таких мужчин, как я,
Ты никогда не пробовала,
О девочка моя!
Многоутробовая!

Таких злодеев, нет,
В тебя не вламывалось.
Я не простой поэт.
Но в Храм из волос

твоих, я руки погрузил,
И вот я их обезобразил.
Я знаю, я тебе не мил,
Но я уж всю облазил...

Сейчас же томная тоска
Тебе на бёдра ляжет,
И боль у каждого соска
Любить меня обяжет...

На Даниловском кладбище

Лизке

Укропом пахнет и травой
На кладбище твоём.
Здесь дух неугомонный твой
Не мёрзнет под дождём.

Здесь не долезет червь злой
До твоего хребта,
Лежишь на кладбище нагой,
И чем ты занята?

Бормочешь стих, поёшь себе
На ультразвуковом?
Жалеешь о своей судьбе
Под острым каблуком

Пришедшей бляди поболтать
С прохожим мужиком.
«Зачем она меня топтать
Здесь, на Даниловском?..»

Укропом пахнет, с ветерком
Доносит пыль и гарь.
Я помню, часто под хмельком
Ходила Лизка встарь...

«Вы, дети хорошие, любите маму...»

Вы, дети хорошие, любите маму,
Уроки готовите в срок.
И ты, моя девочка, Сашка упрямая,
И ты, мой красивый сынок!

Есть также папа, пропахший духами.
Едет в машине он
С головорезами-большевиками,
Сжатый со всех сторон.

Папа печальный, не спящий ночами,
Вам он совсем незнаком,
Но он всегда разговаривал с Вами
На языке неземном.

Средь звёздного праха и лунной пыли
Вы неуверенно с ним
В хаосе Бездны неловко парили,
Ну да, с этим папой своим

«Молчали русские цари...»

Молчали русские цари,
Сугробами повелевая,
Большевики, как фонари,
За ними плавились, сгорая,

Пришла Великая Война,
Пришли на нас шпрехензидойчи.
Их боевые племена
К нам заглянули после Польши,

Горящих пепел деревень
И танков рёв, как саблезубых.
Спасла нас всех монголов тень,
Монголов наших многошубых...

«Небо всё в рыбёшках...»

Небо всё в рыбёшках,
В серебристых кильках,
Подожди немножко,
Почекай лиш тільки...

Сдвинутся рыбёшки
В тучу боевую,
Как рубли и трёшки
В пенсию большую.

Туча громом треснет,
Молниями жаля.
Так на Красной Пресне
По восставшим палят...

Сюзанна и старцы

Вы кротко носили молочные зубы
И всем старикам были милы и любы...
Но в ванную, там, где Вы тёрлись и мылись,
Скабрезные старцы внезапно вломились...

– Сюзанна! Ну дай на тебя посмотреть!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.